

18+ А. В. Аладушкин

НЕ БОЙСЯ ТЕМНОТЫ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

А. В. Аладушкин

Не бойся темноты

«Издательские решения»

Аладушкин А. В.

Не бойся темноты / А. В. Аладушкин — «Издательские решения»,

В сборнике «Не бойся темноты» вы найдете волшебный и немного зловещий мир, где привычные вещи приобретают необычные формы, а границы реальности размыты. Каждая история — это встреча с чем-то загадочным и непонятным, что пробуждает внутри мистический страх. Автор виртуозно сочетает юмор, ужас и атмосферу таинственности, превращая каждую страницу в небольшое приключение в темных закоулках человеческого сознания.

Содержание

Незванный гость	6
Страшный сон	8
Охотничий домик	14
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Не бойся темноты

А. В. Аладушкин

Корректор Ксения Черепанова

© А. В. Аладушкин, 2026

ISBN 978-5-0070-8869-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Незванный гость **(по мотивам стихотворения «Ворон»** **Эдгара По)**

Измученный болью утраты
Той, которую до сих пор люблю,
Я задремал за своим столом,
И в этот миг приснился странный сон,
Будто она еще жива.
Словно в бреду ее имя шепчу:
Элизабет... Элизабет... Элизабет...

В камине плясало пламя огня,
А за окном была ночь декабря.
Я предался забвению во сне,
Но стук раздался в тишине.

Кто стучится в двери мои?
Кто явился под покровом тьмы?
Полоса света пала на снег,
Как во сне прошептал: «Элизабет?»

Холодный ветер и хлопья снега
Не дали мне из тьмы ответа.
Двери затворил, и снова стук,
Кто-то прильнул к оконному стеклу?

Незнакомцу приоткрыл окно,
Но ветер распахнул настежь его.
Ворвалась тень с черным взором,
И на шкафу уселся ворон.

Вестник из царства теней,
Зачем явился ты ко мне?
Измучен я, и жизни не дает
За вопросом еще вопрос.

— Буду ль счастлив, как тогда?
Ворон крикнул: «Никогда!»
— Буду ль жить, покой обрета?

Ворон крикнул: «Никогда!»

Убирайся прочь из дома моего!
Туда, откуда тебя принесло.
Незванный гость и судья
Со своим проклятым «никогда»!

Ворон сделал круг под потолком
И метнулся в черное окно.
Обронил: «Прощай навсегда», —
И мертвым пал на пол я.

Страшный сон

Я проснулся от того, что жена пихнула меня в плечо и сухо бросила:

— Вставай.

Тошнота накатила волной, когда я подошел к окну. Голова взорвалась острой болью. Такого пейзажа я не ожидал. Мир за стеклом напоминал декорации к фильму ужасов. Темно-синие, почти черные тучи тяжелыми шелковыми перинами покрыли все небо. Казалось, они уже готовы пролиться затяжным дождем, но что-то их сдерживало. Ни одного яркого пятна, все превратилось в серый безликий фон, захвативший каждый уголок мира. После прошедших солнечных выходных, которые могут быть только в сентябре, это недоразумение казалось издевательством.

Потирая затылок, в надежде, что это поможет избавиться от боли, я побрел на кухню. Привычные две ложки кофе, моя обычная кружка, кипяток. Напиток казался чернее, словно кто-то специально добавил красок. Лишь легкий оттенок коричневого напоминал о том, что это — кофе. Сделав глоток, я почувствовал, как тошнота усилилась. В этот момент раздался звонок в дверь.

— Кого еще принесло в семь утра в понедельник? — пробормотал я, выливая содержимое кружки в раковину.

За дверью стояли двое в форме. Взгляд скользнул по лицам полицейских, и меня пробил холодный пот, а череп окатило новым приливом боли. Каменные, словно высеченные из гранита, лица. Глаза — холодные, не моргающие. У одного из них из уголка рта тонкая струйка крови заканчивалась алым пятном на подбородке. Уточнив мое имя, они вошли в квартиру.

— Одевайтесь, проедете с нами, — холодным басом произнес один, второй, со стружкой крови, молча кивнул.

Из ванной вышла жена в халате, из спальни появилась теща Мария Васильевна, одетая в белую льняную юбку и черный вязаный пиджак. Не знаю почему, но ее наряд показался мне абсурдным. Почему черный верх и белый низ? Что творится? Они молча смотрели на сотрудников полиции.

— Что случилось? Зачем мне ехать с вами?

Глядя на мой внешний вид (из одежды на мне были только трусы и футболка), сотрудник с кровавой стружкой так же холодно велел быстрее одеваться и следовать за ними. Жена и теща молчали, их лица ничего не выражали, будто происходящее удивляло меня одного.

— У вас кровь, вот тут, — я показал на своем лице. Мне казалось, только я вижу кровь и считаю это ненормальным.

— Издержки профессии, — изрыгнул он, даже не моргнув. — Одевайтесь. Внизу ждет машина. Вы обвиняетесь в убийстве Семена Капитоновича Марша.

Мир поплыл. Казалось, эти слова опустились на голову тяжелым молотом, боль усилилась. Я почувствовал, что меня сейчас вырвет.

Мария Васильевна, до того молчавшая, вдруг с гнильцой в голосе изрекла:

— Я так и думала, что этим все закончится. Сдохнешь в тюрьме! Я ведь говорила, доченька, тебе!

— Как ты мог? — гневно прошипела жена.

От всего сказанного мир ушел из-под ног и обрушился сверху. Черт с этим обвинением и Капитоновичем. Пусть он мой начальник и кто-то его убил, я уверен, что с этим разберутся. Но как могла жена такое сказать?! Как?! Я смотрел им в глаза и не видел ничего — ни сомнений, ни поддержки. Ничего. Они верили! Мои близкие готовы были отправить меня за решетку без суда и следствия...

Не помню, как собрался, как оказались в машине, как ехали. Все это происходило будто не со мной. Для чего мне убивать начальника? Да, мы спорили, бывало, по работе, но ничего более. И с моей стороны не было ни одной угрозы, ни разу.

Когда за спиной с противным металлическим лязгом захлопнулась железная дверь, я вздрогнул. Обвел взглядом помещение. Это была маленькая камера, в которой нашлось место только для непонятной железной кровати, столика рядом с ней, унитаза и железной ржавой раковины. На стене справа, над унитазом, было маленькое окошечко с решеткой. Из него виделось небо — черное, тяжелое. Шелковые тучи продолжали готовиться затопить весь мир.

Я лег на кровать и свернулся калачиком. В голове пронеслись утренние события. Мутно вспомнил слова следователя, что у них имеются показания всех сотрудников фирмы, что я мог пойти на такое преступление. Подтверждали, что я люто ненавидел своего начальника. Как они могли такое нагородить?! Всегда сами жаловались мне на него, говоря за его спиной разного рода неприятные вещи, а теперь эти же люди обвиняют меня! Бред-бред-бред!

Мне стало так жалко себя, что я остался один, что даже близкие люди отвернулись от меня... И самое обидное, что, видимо, это всех устраивало. Я стал вспоминать последние дни, когда видел Капитоновича. Это было в пятницу вечером, в конце рабочего дня. Все расходились, он был в хорошем настроении. На следующий день мы с женой и друзьями выехали на пикник. Была такая чудная, теплая осенняя погода. Какое яркое было солнце! А в воскресенье мы встречали ее мать на вокзале. Мария Васильевна собиралась погостить у нас неделю.

Мои воспоминания прервал громкий шепот. Сначала я не мог понять, откуда он доносится и что говорят. Все слова сливались в несвязное бу-бу-бу, будто говорили в трубу. Я осмотрел все вокруг и, лишь когда поднял голову, увидел над столом круглое отверстие, сантиметров пять в диаметре. Не знаю зачем, но я решил встать на стол и попробовать разобрать речь. Мне казалось, я различаю в этом бубнеже свои фамилию и имя. Я встал на стол на носочки и прильнул ухом к отверстию.

Все стихло, но через пару секунд прорвался звериный крик, будто через рупор: «ЧТОБ ТЫ СДОХ!»

Я потерял равновесие и грохнулся на пол, глухо ударившись всем телом. Кажется, я потерял сознание.

* * *

Открыв глаза, я почувствовал, как замерзло тело. Лежа на грязном холодном полу, пытаюсь понять, что сейчас произошло, я услышал противный лязг отпирающейся двери. Собравшись с силами, попытался встать, тело отозвалось резкой головной болью. Тут я почувствовал, как меня подхватывают под руки. Перед собой я увидел одного из сотрудников, который явился утром ко мне домой, двое других держали меня. Кажется, это был тот, со стружкой крови, но я не уверен. Все тот же холодный бас отпартовал: «Вас переводят в лечебницу». Меня выволокли и, как мешок не пойми с чем, швырнули на сиденье служебной легковушки. Сотрудник сел спереди.

— В какую лечебницу? Зачем? Что происходит? — прохрипел я.

— Приедем — увидишь.

Голова разрывалась от боли, на лбу вылезла шишка. Пустой желудок сводило от голода, тошнота тоже никуда не делась. Я лежал, уставившись в небо. Оно было черным. Непроницаемым. Почему оно черное?! Где этот чертов дождь?! Сука, почему он не идет? Что происходит?

Когда машину начало трясти на ямах, я уже не мог лежать. Пришлось сесть. За окном мелькали окраины города. Я узнал район: когда-то здесь был огромный дачный массив, но теперь его активно застраивали высотками. Мы проезжали мимо пустырей и разоренных участков.

Машина свернула на узкую дорогу, которая вела меж нетронутых дач. Тут до меня дошло, что где-то здесь и дача моих родителей, на которой я провел почти все детство. Какое чудное время было... Можно было купаться по несколько раз в день, старой бамбуковой удочкой ловить рыбу, которую потом жарила бабушка... Эти теплые воспоминания усилили мое отчаянье, мне стало жалко себя еще больше.

После очередного поворота выехали к белому пятиэтажному зданию. Хотя в этот день все цвета были серые, ведь небо застилали чертовы непроницаемые тучи; дождя так и не было. Здание было похоже на советский панельный дом, с той разницей, что застекленные балконы опоясывали его сплошь по всему этажу. Строение окружал решетчатый забор, метра три, не меньше. Казалось, работы еще не завершены: забор не был доделан, шлагбаум уже стоял, но ворот не было. У входа виднелись строительные леса, поднимающиеся до второго этажа.

Хоть здание и было всего в пять этажей, но мне оно показалось уродливым небоскребом, уходившим в черное небо. Обманывали ли меня глаза или все же тяжелые тучи медленно опускались, чтобы не залить этот мир, а раздавить его, как гигантский пресс?

Машина остановилась у центрального входа. На пороге лечебницы нас встречали — парочка санитаров. Ростом не менее двух метров каждый, худощавые, как гончие собаки. Их белоснежная форма контрастировала с цветом кожи — странным, коричнево-зеленоватого оттенка.

Сотрудник полиции открыл дверь и сказал, чтоб я держал руки за спиной. Я обхватил пальцами одной руки запястье другой, и мы по ступенькам поднялись на крыльцо.

— Ваш пациент, — сухо бросил полицейский, кивнув на меня.

— Мы проводим его в палату, а вам нужно переговорить с доктором и подписать бумаги. Он ждет, — ответил один из санитаров.

Он протянул ко мне руку, больше похожую на грязную лопату, — чтобы ухватить за плечо. Я отшатнулся.

— Какой еще пациент? Мне нужен адвокат! Идите вы все к черту! — выкрикнул я, оттолкнув руку.

Санитар мгновенно ткнул двумя пальцами мне в бок. Такого я не ожидал. Боль была настолько резкой, что у меня подкосились ноги. Прежде чем я успел упасть, они подхватили меня под мышки и поволокли внутрь.

— Зайдите к доктору. Он ждет, — повторил санитар, обернувшись к сотруднику.

В холле все было белым: стены, потолок, пол. Едва касаясь пальцами ног земли, я посмотрел вокруг. Люди в белых халатах сновали туда-сюда.

— У вас тут что, вайт-пати? — прохрипел я, сам удивившись своей идиотской шутке.

— Заткнись, — прошипел санитар, — если не хочешь стать вот таким участником.

Он мотнул головой куда-то в сторону. Я проследил за его взглядом. Там человек в черной пижаме на четвереньках что-то собирал с пола. Из его носа, рта и глаз тянулись струйки крови. Над ним стояла другая парочка санитаров.

— Кто это? Что он делает? Что он собирает?

— Хочешь узнать? — ответил санитар. — Тогда продолжай задавать вопросы.

— Пшел! — скомандовал второй санитар, когда открылись двери подошедшего лифта.

Лифт отвез нас на третий этаж. Стало понятно: балконы — это коридоры. Вдоль одной стороны коридора тянулись окна с металлической сеткой, с другой — двери с маленькими прямоугольными окнами. В одном из них я заметил лысого мужчину, который, стоя вплотную к двери, молча открывал и закрывал рот с гневной гримасой.

— Что он делает?

— Орет. Палаты звуконепроницаемые.

Свернули за угол и остановились у второй двери. Меня ввели в палату. Довольно просторное помещение — по сравнению с камерой. Все белое, тумбочка и кровать с ремнями для фиксации. Санитары молча сгрузили меня на кровать и вышли.

* * *

Потихоньку боль отпустила, и тело вновь стало подвластно мне. Я лежал на кровати и смотрел в белый потолок, а в голове, словно рой мух, кружились мысли. Всю свою сознательную жизнь я опирался на логику и здравый смысл, но сейчас они отказывались мне подчиняться. Все происходящее казалось сплошным бредом, злой шуткой, кошмаром, от которого невозможно проснуться. Какой-то ужасный розыгрыш. Я пытался понять, объяснить, упорядочить хаос, но чем больше думал, тем страшнее становилось.

Слезы подступали, но я их сдержал. Поднявшись, я подошел к двери и посмотрел в окно. За стеклом, через витражный рисунок коридора, виднелось все то же тяжелое небо, которое в сгущающихся сумерках казалось еще ближе к земле. Вспышки молний прорезали его, словно свет поисковых прожекторов в черной завесе.

Внезапно в коридоре зажегся свет, и в витраже я увидел отражение своей двери. Помахал рукой. Отражение помахало в ответ. На миг мне показалось, что я схожу с ума. Неужто я, словно герой психологического триллера, натворил ужасные вещи, но не помню этого и продолжаю считать себя нормальным человеком?

К двери подошел санитар. Он открыл ее и сообщил:

— У тебя посетитель. Встреча через десять минут.

— Кто? — спросил я, но он лишь покачал головой:

— Жди. Я приду за тобой через пять минут.

Я остался стоять у двери, раздумывая, кто мог прийти. Вдруг свет в коридоре погас. В полной темноте я услышал чье-то раздраженное ворчание:

— Опять электрики косячат.

Неужели отключили электричество? Наверняка включают генератор... Я потянулся к дверной ручке, и дверь бесшумно отворилась. Электромагнитные замки оказались обесточены.

В коридоре суетился народ, но на меня никто не обращал внимания. Я вышел из палаты, остановился у двери и принялся наблюдать. Света не было, в полумраке я чувствовал себя невидимкой. Наконец, я решился. Спокойным шагом направился к лестнице.

И тут свет внезапно вспыхнул. Я увидел ее. Марина. Она в белом халате шла по коридору рядом с санитаром. Наша коллега. Моя... Марина. Лучший человек в моей жизни. Два года служебного романа, идеальные отношения, которые пришлось прекратить ради семейных обязательств. Мы стали просто друзьями. Но она, оказывается, все еще рядом.

Марина бросилась ко мне:

— Тебе надо бежать! Они хотят закрыть тебя здесь! За углом, у лифта, открытое окно. Спустишься — там выход. Но поспеши: сейчас сюда поднимутся твоя жена и теща.

Я смотрел на нее, не веря своим ушам и глазам, но Марина встряхнула меня за плечи:

— Беги!

Я послушался. Когда предан всеми, как не поверить человеку, которому доверял больше всех последние годы? Оттолкнув санитаря, я помчался за угол. Увидел открытое окно и тещу, которая выходила из лифта. Я бросился вперед, перелез на карниз витража и встал в полный рост, держась одной рукой за оконную ручку. Мария Васильевна, прихрамывая, спешила ко мне. Как же высоко! Скорее переломаю ноги, чем сбегу.

— Стой, ублюдок! — орала теща.

Не знаю, хватило бы у меня смелости на этот прыжок... Все решилось благодаря теще. Она рванулась, чтобы схватить меня, но вместо этого нечаянно подтолкнула. Мои пальцы соскользнули с оконной рамы, и я полетел вниз.

Глухим ударом и содроганием всех органов отдалось мое приземление на обе ноги. Я выпрямился, но тут же скрючился от боли в правой пятке. Понимая, что счет ведется на секунды, поспешил к забору, к той части, где он отсутствовал. Я бежал, не обращая внимания на острую боль. Не припомню, когда я так быстро бежал, даже со здоровыми ногами.

Я бежал, а в вышине черное небо озарялось всполохами молний, срывались первые капли размером с куриное яйцо. Начинался ливень.

Враз мир из серого превратился в черный. Лишь сзади вспыхнули огни лечебницы. Пустырь я преодолел всего за несколько секунд и оказался на узкой дороге, шедшей мимо запущенных дачных участков со старыми домиками. Пробежав еще несколько метров, я остановился перевести дыхание.

Сердце билось в ушных перепонках, я жадно глотал воздух. Черное небо разрезали молнии, ливень хлестал, словно пытаясь смыть меня с лица земли. Водная стихия, казалось, стремилась меня утопить, не позволяя сделать вдох.

Насквозь промокший, одной рукой держась за штакетник покосившегося забора, я чувствовал, как боль в пятке синхронизируется с биением сердца.

Отсюда сквозь стену ливня я еще мог видеть огни лечебницы, но ничего не слышал, кроме шума воды, падающей с неба и разбивающейся о землю. Переведя дыхание, я побежал дальше, прихрамывая и хватаясь за заборы и деревья, чтобы не упасть, поскользнувшись в грязи. Одежда мокрым тряпьем облепила тело, еще больше затрудняя движения. Силы покидали меня, дождь беспощадно лупил по всему телу. Я даже не определился, куда я бегу, к кому, в какое место! Все, кроме одного человека, предали меня. Куда мне идти?

Оглянувшись, я увидел только жидкий занавес тьмы, такой же был и впереди. Но что-то блеснуло, потом еще. Мигалка! Они гонятся за мной на машине скорой помощи! Во тьме мелькали проблесковые маячки. Остаться на улице нельзя, надо уходить через старые дачи. Я сошел с дороги на один участок, быстро пересек его, кое-как перелез через заборчик на другой участок и побежал к домику. Домик оказался заперт, шуметь я не отважился, хотя ливень и перебивал все звуки. Я сел на крыльце под навесом. По всему телу пробежал озноб, меня начало трясти. Голова уже не болела, но от бега с препятствиями вернулась тошнота. Мигалки не видать.

Когда ливень начал стихать, показались городские огни. Надо добраться до города, а там как-то найти место, где можно отлежаться, и добыть чистую сухую одежду. Когда у тебя есть цель, двигаться становится легче. Перемахнув через очередной заборчик, через соседний участок я выбежал на другую улицу. Пробежусь по улице, потом пойду через участки. Дачный массив стал для меня лабиринтом, по которому я убегал от чудовищ в поисках выхода...

Ливень продолжал топить все вокруг. Ночь, дождь и грязь — все будто сговорились против меня. Бежать я уже не мог, к обуви налипло столько грязи, что я с трудом переставлял ноги. Тело начало болеть, внутри все горело огнем. Преодолев перекресток дачных дорог, озираясь в поисках мигалки, вслушиваясь в шум ливня, нет ли за ним шума работающего двигателя, я даже не сразу понял, откуда он взялся. Сначала я почувствовал сильный удар в грудь, который отбросил меня на метр, и я упал в лужу.

— Ты че, козел, в прятки решил сыграть? Мне не платят столько, чтоб я всяких уродов по колено в грязи под дождем ловил.

От удара парализовало легкие, я не мог вдохнуть необходимую порцию воздуха. Так я корчился в луже, ловя ртом крупные капли дождя. Незнакомый стоял рядом, ничего не делая, только смотрел на мои мучения. Он был одет в дождевик с капюшоном, надвинутым на лицо,

и обут в резиновые сапоги; ростом он был под два метра. Это был санитар из лечебницы. Я не увидел его во тьме, а он просто стоял и ждал, когда я сам подойду к нему.

— Я нашел его. Езжайте сюда, на перекресток Садовой и Лесной, — передал он спокойным голосом по рации.

* * *

Неужели это все? Конец? Ну, хрен им, я пойду до конца!

Из лужи я вставал с камнем в руке, который мне подвернулся. Небольшой камень, размером с куриное яйцо. Швырнул его в санитара, целясь в голову. Камень угодил в грудь.

— Сука, — прошипел он, потирая рукой ушибленное место.

Я побежал на ближайший дачный участок. Бежал, не разбирая дороги.

— Куда ты бежишь? — звучал позади спокойный, ледяной голос. — Окончены побегушки. Мы все равно заберем тебя.

Грязь чавкала под ногами, ноги разъезжались в стороны. Из носа потекла кровь, тут же размываемая каплями воды. Тело горело огнем, одежда сковывала каждый шаг. Но я ковылял по очередному дачному участку, повторяя как мантру: «Беги. Только не сдавайся. Они все предатели».

Внезапно почва ушла из-под ног, я потерял равновесие и завалился вперед. Все органы резко ухнули вниз, сжались. Но падение продолжалось, и я проваливался все ниже и ниже... Я полностью скрылся под водой. В истерике не мог достать ногами до дна, жидкость обволакивала меня, густая и ужасно вонючая. Захлебываясь, размахивая руками, я искал хоть что-то, за что можно зацепиться, но пальцы лишь ломали непонятные тонкие, скользкие ветви. Я беспомощно барахтался. Жидкость разъедала глаза, затекала в нос, рот. Я перевернулся на спину в попытке сделать вдох...

Когда я открыл глаза, то почувствовал, как пот со лба струится по моему лицу, стекая в нос и рот. Ничего не мог понять. Я лежал дома в своей постели. Размытым пятном увидел лицо жены в свете ночника.

— Что с тобой? Ты весь горящий! — голос ее дрожал. Она сунула мне подмышку градусник. — Я вызову скорую.

Сил говорить не было. Даже тело будто перестало быть моим. Когда градусник пропищал, жена убежала и вернулась с холодным компрессом.

— У тебя температура 42 градуса! Скорая скоро будет.

Я отключался, приходил в себя. Укол в руку вернул немного ясности. Медики помогли кое-как приодеть меня и на носилках понесли к машине. Начинало светать. Неужели это все был сон? Что со мной происходит? В голове стали появляться мысли, я смог немного пошевелить руками. Рядом сидел врач в маске и смотрел в окно. Машину начало трясти на ухабах. Каждая неровность отдавалась болью в голове. Я глянул в окно. Что это за больница, к которой ведет такая ужасная дорога? Почему мы так долго едем?

— Куда мы? — прошептал я, но никто ответил.

Светало. В лучах рассвета я увидел, как мы выезжаем на пустырь, в центре которого возвышалась пятиэтажка с балконами-коридорами.

Охотничий домик

Скитается по миру всякая нечисть, жажда душ человеческих, сеет в них страх. Но порой случается и так, что люди сами, ведомые отчаянием или любопытством, обращаются за помощью к бесам. Эта история произошла много лет назад. Мало кто из ставших свидетелем тех событий ныне может поведать о них. Но я расскажу вам о селе, что стояло на краю леса, где однажды явилась дьявольщина, и о том, что сам узнал...

В охотке

Не разбирая пути, по пустым сельским улочкам бежал казак. Его балахон трепал осенний ветер, рубаха на груди расстегнулась, по морщинистому лбу струился пот, а изо рта из-за частого сбившегося дыхания вылетал пар; побелевшими пальцами он сжимал в правой руке шапку. Временами казак падал в подмерзшую грязь, но, лишь сделав глубокий вдох и матюгнувшись про себя, поднимался и бежал дальше. Сельские собаки встречали его недружелюбным лаем, некоторые пристраивались следом, от особо настырных приходилось отмахиваться. Мужчина не обращал внимания на редких прохожих, а если кто и окликивал его, оставался без ответа. Так он добрался до шинка. Распахнув дверь и ввалившись внутрь, казак рухнул коленями на дощатый пол. Толпа находившихся там окружила его, удивленно глядя на перекошенное лицо и дикий взгляд.

— Воды... — только и смог прохрипеть вошедший.

Через мгновение кто-то протянул ему ковш. С трудом удерживая ковш трясущимися руками, человек сделал несколько судорожных глотков, затем перевел дыхание.

— Там, в охотке... — заговорил он, широко раскрыв глаза. — Чертова сила! Что там творится! Господи, помоги мне это забыть! — С этими словами он начал креститься.

Толпа зашумела. Его подняли с пола, усадили за стол и поставили перед ним стакан горькой. Тот осушил его одним махом, занюхал шапкой, потом, утерев ей усы, начал свой рассказ.

— В охотничьем домике, там... В общем, пошел я проверить свои силки, думал, может, попадется какая-никакая живность. Пошатался по лесу, ничего. Возвращаюсь, иду мимо охотки. Леший бы попутал меня туда заглянуть! Смотрю — кровавый след к порогу ведет. Думаю, может, зверь в капкан угодил. Ну и пошел. Тихонько отворяю, заглядываю внутрь... и чуть рассудка не лишился. Все, думаю, бесовские дела! Все дела сатаны! Это все его дела, он проклял нашу охотку!

Тут рассказчик замер, снова перекрестился и уставился взглядом в одну точку, и сидел так некоторое время, пока шинкарь не толкнул его, протягивая полстакана водки. Рассказчик перевел взгляд на него и, через мгновение выпив, продолжил.

— Значит, отворяю дверь, а там... На столе — дитя. Лежит, грудь вспорота, кровь кругом запеклась, словно кто зверя разделывал. Пошатнуло меня, все плыть начало перед очами. И глядь в сторону, где крюки подвешены для дичи. Там еще одно мертвое дитяtko... Прямо на крюку, словно добыча чья! Тут я и подался прочь, ноги сами понесли с этого проклятого места. Не помню, как до села добежал. Господи боже, как теперь это забыть!

Люди вокруг загудели. Одни перекрестились, другие начали перешептываться, кто-то выругался в голос.

— Вот что я скажу, панове, — раздался низкий голос Никитича, добротного казака, что стоял в стороне. Он уже натягивал свой балахон. — Пойдем поглядим, что там. А ты, Еремей, — обратился он к рассказчику, — домой иди. Хватит с тебя.

Осеннее небо затянуло серой хмарью, из-за которой едва пробивались редкие лучи. Морозный воздух, казалось, гудел от напряжения; вновь собаки подняли лай. Толпа двинулась к охотке. Кто проходил мимо своей хаты, захватил топор или ружье.

Охотничий домик построили пару лет назад. Простой сруб на краю леса, без перегородок, с одним окном. Внутри — скамьи, стол, три крюка да печурка. В нем разделявали туши, пережидали непогоду, останавливались на привал. Меж собой его все называли охоткой.

Добравшись до места, казаки остановились. На снегу остались следы Еремея. Двое подошли к окну, но оно оказалось закрыто изнутри ставнями. Никитич толкнул дверь, которая отворилась словно нехотя, со скрипом, и вошел первым, держа в руках кинжал — он всегда был у него под рукой. Внутри было темно, лишь через щели проникал слабый свет.

Первым делом Никитич бросил взгляд на стол. Пусто. Сделал еще пару шагов, посмотрел на крюки. Тоже ничего.

— Что за чертовщина?!

Он прошел и отворил ставни. Никаких мертвых детей не было, но весь стол и правда был залит кровью, и один из крюков краснел в тусклом дневном свете. Остальные тоже вошли внутрь и начали разглядывать стены и пол, но ничего более не узрели. Воздух в комнате был густым и тяжелым, словно пропитанным страхом. На полках вдоль стены пылились старые банки, а в углу стоял перевернутый стул. Кто-то из вошедших нечаянно задел его, и он с грохотом упал, заставив всех вздрогнуть.

— Эй там, потише, — хрипло сказал Никитич, осторожно обходя стол. Он молча поднял с пола кусок тряпки, пропитанный чем-то липким. Поднес ее ближе к свету, и лицо его стало напряженным.

— Здесь что-то произошло, но следов борьбы нет, — заметил он, бросив взгляд на крюк. — Либо кто-то хотел нас напугать, либо что-то очень странное творится. Расходимся! А мне надо потолковать с Еремеем. Только не трепитесь ни с кем, молчите, будто воды в рот набравши. Покумекаем, как быть.

— Тут дьяка надо, срочно! Как без него?! — возмущались одни.

— Так укатил он с дьячком по нуждам храма. Никак не начнут они службу, — вторили в ответ им другие.

Все разошлись по своим дорогам. Сгущались сумерки. Никитич, погруженный в раздумья, подходил к хате Еремея. Сквозь задернутые занавески было видно, что внутри горят свечи. Никитич постучал в дверь, с той стороны раздался женский голос — то была жена Еремея.

— Кто там?

— Никитич. К мужу твоему пришел, по делу.

Дверь открылась, Никитич вошел, после чего женщина быстро заперла ее обратно и удалилась за перегородку. Еремей сидел за столом, подперев голову руками; на столе были свеча, стакан, тарелка с нарезанными хлебом и салом да бутылка.

— Проходи, Никитич, присаживайся. Я захмелел уже порядком. Не идет из головы, шельма такая, эта картина. Как они там...

С этими словами он опрокинул очередную порцию горилки и занюхал ее корочкой хлеба.

— Только глаза закрою, и все вновь у меня перед глазами, и так ясно, что тошно делается. Что вы сделали с ними? Расскажи.

— Говоришь, мол, помнишь все, перед глазами стоит? Это хорошо. Скажи мне, Еремей, ты к домику зачем потащился?

— Никитич, я ж говорил, что увидел след кровавый и он вывел меня туда. Почему спрашиваешь?

— А в охотку ты сразу зашел?

— Да я, можно сказать, и не заходил. Стол-то супротив дверей стоит! Не возьму я в толк, к чему эти вопросы?

Язык его немного заплетался, глаза опухли и налились кровью, а вокруг них пролегли черные круги.

— Не кипятись, Еремей. Хочешь знать, что мы сделали? Ничего. Не было там никаких детей, хотя крови предостаточно.

При этих словах Еремей, собиравшийся плеснуть еще горилки в стакан, чуть не выронил бутылку и вперил глаза, больше напоминающие пустые глазницы скелета, на Никитича.

— Как это ничего? Почему? — прохрипел он.

— Еще ответь мне, как ты разглядел стол и крюк, если толком не входил внутрь? Там же не видать ни черта!

— Как это не видать?! Стол же недалеко от окна! Вот в солнечном свете и увидел! Ты хочешь сказать, что я выдумал все?! Или что?!

Подбородок Еремея затрясся, слюна пеной повисла на усах, вены на шее повздувались.

— Ты успокойся. Говорю тебе как есть. Пришли. Кровь есть, тел нет. Окно ставнями изнутри забрано.

Некоторое время Еремей вновь сидел молча, уставившись куда-то. Потом перекрестился, сплюнул и сказал шепотом:

— Вот те крест, Никитич, не привиделось мне это. Ты и сам кровь видел, говоришь. Бесовщина какая-то... А окно открыто стояло; и сейчас перед глазами оно открыто у меня. Все силы нечистой проделки!

— Выходит, что кто-то был после тебя. Он все убрал и закрыл окно. Ума не приложу, что творится.

Он взял из рук Еремея стакан, налил и выпил залпом. На столе, дрожа и кривляясь пламенем, догорала свеча.

— Ладно, буде. Утро вечера мудренее. Отдыхай, да и я пойду к себе. Голова кругом от этого всего.

Никитич вышел и побрел к себе. Воздух стал еще морознее, а с неба начали срываться и порхать над всей округой, словно перышки из перины, первые снежинки.

Ночью ему снился сон. Будто он у охотничьего домика, дверь и окно заперты, вокруг тьма и не видать ничего. А из домика свет яркий-яркий льется и крики раздаются; а он пытается, но никак не может войти, и чувствует, что от этого зависит чья-то жизнь, а внутри паника у него. Так и проворочался до утра.

Метель

Встав утром и сделав все дела, решил Никитич зайти к соседу своему, Михо. Знал он его с давних пор, воевать приходилось вместе. Потом долгое время ничего о нем не слышал, а однажды Михо заехал с чумаками к ним в село. И только последние лет пять как обосновался здесь и занялся кузнечным делом.

Выйдя за порог, Никитич увидел занесенные снегом улицы, припорошенные деревья и изгороди. Воздух был легкий, дышать им было как праздник. С разных сторон слышался лай собак, из труб над хатами тянулся сизый дымок.

— Вот и стало все белым-бело.

Он достал из кисета щепотку табаку, понюхал и чихнул так громко, что каждая соседская собака выскочила из своей конуры и стала ругаться на него.

— А ну, угомонились, шельмы лохматые! — пробасил он и пошел к соседу.

От снега и собак мысли вернулись к охотничьему домику. Похоже, что Еремей говорил правду. Кто-то запер окно после его ухода и забрал покойников. Но что за дети? Ни у кого из

сельчан ребяташек не пропадало. С этими мыслями он ступил на крыльцо Михо. Не успел и дотянуться до ручки двери, как та распахнулась, и пред ним предстал хозяин жилища. Если голову Никитича уже вовсю разукрасила седина, то Михо обладал рыжеватой шевелюрой. Был он на восемь лет моложе своего друга.

— Добре, Никитич. Проходи.

— Добре, Михо. Как ты?

Никитич прошел внутрь, на ходу стягивая с себя овечий тулуп.

— Все хорошо. Вчера в кузнице задержался малость. А так, дай Бог, все хорошо.

Утрамбовывая табак в люльке, Михо пригласил гостя за стол. По хате то тут, то там валялись какие-то железяки, быт здесь был прост и не тронут женщиной. Никитич сел, сказал, что ничего не хочет, а для горилки еще рано и есть у него дело.

— Не нашел себе еще жинку? Все один да один.

— Пока нет. Ты сватом, что ли, пришел?

— Да упаси тебя, какой из меня сват. А пришел я к тебе вот зачем...

И он рассказал Михо обо всем, что произошло накануне, ни о чем не забыв.

— Ну дела... — протянул Михо, дослушав рассказ, и пыхнул люлькой, при этом морщась на один глаз. — И это у нас на селе. Много я слышал, и о духах, и о силе нечистой. А тут явно сам сатана постарался. Что делать теперь? Может, сходим еще раз в охотку?

Но не успел Никитич ответить, как с улицы донесся дикий женский вопль: «Убили! Люди добрые, убили!»

Никитич и Михо лишь переглянулись меж собой и выбежали из хаты как были. Там уже начала собираться толпа, взволнованные люди обступали кричавшую женщину. Подойдя вплотную, Михо увидел, как ее трясет. В ужасе она бормотала так быстро, что мало какие слова можно было разобрать, только «детки», «убили», «река», «дура такая». Никитич приблизился к бабе вплотную, взял под локти и как следует потряхнул пару раз, затем шикнул:

— А ну, утомонись! Давай с начала и по порядку. Что стряслось, чего визжишь?

— Пошла я, значит, на реку, воды набрать. А там, боженьки, во льду в крови все!..

С этими словами женщина закрыла лицо руками и зарыдала.

— Так, — не выдержал Никитич, — а ну-ка давай ко мне. Отваром тебя напою, тогда и расскажешь все.

Взяв вместе с Михо бабу в охапку, они повели ее через зевак. На крыльце, пропустив Никитича с женщиной внутрь, Михо гаркнул на толпу:

— Расходься! Неча глазеть.

После этих слов запер дверь на засов.

Никитич возился с отваром, Михо кое-как оторвал руки женщины от лица и втиснул в них стакан воды. Та, сделав глоток, сжала стакан трясущимися руками.

— Ой, мил люди, шо ж творится-то... Дети ведь! Подошла к берегу и глядь, кто-то лежит у берега, да в лед вмерзшие уже! Я чуть не упала там же. Ноги подогнулись, но устояла. Двое деток, вокруг кровища, волосы снегом припорошены. Ой, святы-святы, шо ж такое!..

В этот момент Никитич протянул ей отвар. Та, перекрестившись, начала пить. А допив, уронила голову на руки и разрыдалась. Михо вскочил и стал заправлять табаком свою люльку. Никитич отвел его поодаль:

— Ну, что скажешь?

— Да думаю, на реку идти надо. Ты останешься? Там народ еще толпится.

— Ты иди, а я тебя догоню.

Михо вышел на улицу и отправился к реке, до которой было менее двух верст. Шаг его был широк и быстр, тело напряглось. А вокруг все бело, и не будь случившегося, могла выйти добрая прогулка; приятно было ступать на свежий, мягкий снег. Солнце скрывалось за тучками

и не искрило на снегу. На подходе к реке Михо никого не встретил. Видел ли кто еще этих несчастных?

Спуск к реке был пологим. Михо еще не подошел к тропинке, ведущей к воде, как увидел розовые следы у проруби. Осторожно приблизившись, он сначала осмотрелся. Следы были только одни — к берегу и обратно, видимо, той несчастной. На снегу четко проступали кровавые пятна, но тел не было. Михо присел на корточки и призадумался, еще раз осматривая все вокруг. Внезапно за спиной послышалось тяжелое, сбивчивое дыхание. Он резко обернулся и увидел, как Никитич медленно спускается по тропинке.

— Ну, что здесь?

— Ересь какая-то. Вон, видишь, кровь, следов нет, и никого.

— Давай подойдем к проруби.

— Поберегись, лед еще не схватился как следует.

Они неторопливо с двух сторон приблизились к проруби. Лед то и дело потрескивал под ногами. Михо склонился над алыми пятнами, убеждаясь, что это кровь; Никитич же заглянул в полыню.

— Может, их течением унесло под лед?

— Может быть. Да только как? Она сказала, они вмерзшие были, и кроме крови никаких следов нет; ни волос, ничего.

— Да чего там баба наговорила. Она чуть рассудка, должно быть, не лишилась. А они в воде были.

— Нет. Она сказала, что снегом были припорошены. Значит, не полностью в воде, а лежали на льду, либо частью в воде. Но что за чертовщина?! Куда ж они опять делись?

— Тьфу-тьфу-тьфу, нечисть какая-то. Знаешь, что я кумекаю, надо нам, как и собирались, к охотке сходить. Там сам еще глянешь.

— Добре. Только зайдем ко мне, ружье прихвачу. Береженого Бог бережет.

Резво они вернулись к хатам. Там до сих пор толпился народ, обсуждая произошедшее. Михо быстро прошел к себе и вышел с заряженным ружьем, сжимая в кулаке пару патронов.

Время подобралось уже к полудню. Казаки двинулись в сторону леса, некоторые особо любопытствующие — следом, приставая с расспросами.

Но до околицы с ними дошли не все; кто свернул домой, кто отправился по делам. Уже на подходе к лесу Никитича окликнули по имени. Народ остановился, повернув головы в сторону голоса, и все взгляды устремились на приближающегося человека. Это был Еремей. Подойдя ближе, он стянул шапку, чтоб утереть пот, и тут все, как один, уставились на его голову.

— Вот прибег, зараз как услышал. Глянь, что сотворилось со мной, совсем инеем покрылся! Земля побелела, и я вместе с ней. Да и здоровье мое сдало за ночь. Насилу догнал вас. Я тоже хочу узнать, что же это творится. Я ведь не глупая баба и не пьяный, чтоб небылицы сочинять. Пойдемте, панове, поглядим. Хочу уразуметь, что за дьявольщина такая.

И вот шестеро казаков подошли к охотничьему домику. В лесу было тихо-тихо, ни ветерка, лишь только стрекотание сорок разносилось время от времени в верхушках деревьев и что-то гроыхнуло в охотке, будто стол подняли и бросили. Остановились в двадцати шагах от домика. Все замерло, словно сам лес хотел увидеть, что творится внутри.

— Так, казаки, вы вдвоем обходите с одной стороны охотку. Никитич и Еремей — с другой, — сказал Михо, — а я зайду внутрь. Ты, Левко, — велел он рослому парубку с копной белокурых волос, — будешь у двери. Внутри не заходи, пока я не скажу. Вдруг если нечисть какая окажется и побежит через меня к выходу, встретишь его.

Казаки начали обступать охотку со всех сторон. Каждый только и слышал, что стук сердца и свое дыхание да легкий скрип снега под ногами. В охотке настала могильная тишина, словно шум померещился им.

Михо подошел к двери, та была не заперта. «Дьявол там или зверь какой?» — думал он. Резко толкнув ее, он вскочил внутрь. Дверь, распахнувшись, ударилась и захлопнулась за его спиной. Казаки, обежавши охотку, встретились у окна, убедились, что ставни затворены. Никитич кинулся к двери, у которой как вкопанный стоял Левко. Он толкнул дверь, но та не поддавалась. Тогда он навалился на нее всем телом, но и тогда не поддавалась дверь; запертой изнутри оказалась. Левко, разбежавшись, ударил плечом. Засов отлетел в сторону, и парень оказался внутри. Все казаки вошли внутрь, но Михо никто не увидел. Никитич прошел к окну и открыл ставни. Дневной свет ленивой серой массой расплылся по комнате.

Домик был пуст. Ни Михо, никого более в нем не было. Казаки осмотрели стены, пол и потолок — ничего. И спрятаться некуда было.

— Гляньте, братцы, — Еремей, стоявший у стола, указал на него. По грубому дереву тянулась струйка крови. Более кровавых следов они не нашли.

— Проклятое место! Гиблое место! — запричитал один из казаков и начал быстро-быстро креститься. Левко выскочил на улицу и вновь обошел домик, но ничего и никого не увидел. Все казаки вышли за ним. Кто закурил, кто понюхал табака. По земле мелкими песчинками закружила легкая поземка. Потом ветер задул чуть сильнее.

— Что за чертовщина? Никак метель занимается, только ведь и ветра не было.

В этот момент задуло еще сильнее, и все поняли, что погода начинает портиться. Вокруг стали подниматься снежные вьюны, лес будто ожил. Деревья качались и скрипели, переговариваясь между собой. Еремей оглянулся и произнес:

— Надо возвращаться. Идемте отсель. Пока леший еще не выскочил. А то...

Но не успел он договорить, как поднялась такая метель, что казаки из-за ветра не смогли устоять на месте. Шатаясь, будто пьяные, они пытались удержаться на ногах. Не говоря более ни слова, все бросились в сторону села. Но бежать не получалось. Пурга, казалось, наметала сугробы ровнехонько под их ноги. И всего через каких-то пять минут все шагали по колено в снегу, а ветер хлестал лица ледяными розгами. Тяжело дыша, Никитич пытался окликнуть или услышать кого-нибудь. Но едва он открывал рот, чтоб позвать казаков, как тот набивало снегом, а шум ветра закладывал уши. Страшная мгла оторвала его от всех. Ничего не видно вокруг, только белая стена со всех сторон. «Лишь бы добраться до села», — думал он про себя. Грузно шагая, он наткнулся на преграду, протянув руку, замерзшей ладонью нащупал кладку. «Хата, чья-то хата! Дошел!» — радостно и удивленно выдохнул он. Не отрывая рук от стены, опираясь на нее, он пошел вдоль, чтоб постучаться, попасть внутрь. Но, сделав несколько кругов вокруг хаты, он так и не нашел ни двери, ни одного окошка.

— Да что ж это за чертовщина! — от досады Никитич ударил несколько раз о стену кулаком.

Метель не стихала. Нахлобучив тулуп до ушей, побрел дальше. Сколько времени он блуждал, нельзя было сказать, но сил уж совсем не оставалось. Задыхаясь и кое-как переступая ногами, казак вовсе потерял надежду. Ветер свистел в ушах, холод пробирал вспотевшее тело. И вот когда Никитич, вконец изнемогший, в очередной раз провалился в сугроб и упал на живот, где-то совсем рядом послышался собачий лай. Кое-как он встал и пошел в ту сторону. Вся одежда, что была на нем, пропиталась потом, тело горело жаром...

Метель стихла так же неожиданно, как и началась. Ни ветерка, полный штиль, и ни одна снежинка не стремится, порхая, достичь земли. После того как Никитич, раздирая глаза от застывшего снега, осмотрелся, он понял, что находится на одной из сельских улиц и до его хаты всего каких-то сто шагов. Ноги подгибались, руки окоченели от холода, но он встал, сутулясь и качаясь. Доковыляв до дома, дрожащими руками отпер дверь и ввалился внутрь, упал на пол как был. Через пару минут, отдуваясь и тяжело дыша, перевернулся на спину и из последних сил ногой захлопнул дверь.

Никитич провалился в бездонную тьму, и опять ему снился тот же сон. Вновь и вновь он тщетно пытался попасть в охотничий домик, и страх сжимал его сердце посильнее любого холода...

Когда он очнулся, за окном было уже темно, вдалеке слышался собачий лай. Никитич бросил взгляд на ходики — маленькая стрелка подбиралась к десяти часам; тело его горело. Достав бутылку горилки, он налил полстакана и выпил залпом, после чего, утрамбовав трясущимися руками табак в люльку, стал возиться с травяным отваром, чтоб не слечь от хвори. Слабость вместе с жаром растеклись по телу, голова была словно в тумане, но мысли о произошедшем не давали покоя, вызывая головную боль. Он сел на край кровати и небольшими глотками начал пить горячий отвар. Допив, прикрыл глаза, и тело повело в сторону. Завалившись на кровать, Никитич вновь погрузился в сон.

Мима

Рано утром, сквозь сон, еще до того, как разомкнуть веки, Никитич услышал стук сначала в окно, затем в дверь. Стучавший обнаружил, что дверь не заперта, и вот на пороге встал взволнованный Левко. Копна его волос была взлохмачена, а в глазах стояло явное беспокойство.

— Еремей умер. Замерз на окраине села. Ты как, дядько?

Никитич сел на кровати и обхватил руками тяжелую голову. Жар спал, но тело захватила противная слабость. Подняв глаза на гостя, он проговорил охрипшим голосом:

— Умер... Как же так? Ты как добрался до дома?

— Да сам не понял. Вас потерял, плутал-плутал, увидел огонек через метель. Оказалась хата, пересидел там, пока не утихло. Остальные тоже добрались. Сам чуть, как собака, не околел, но хозяева отпоили. А ты, дядько, как выбрался?

— Так же плутал. Сам не пойму, как в селе оказался. Уже готов замерзнуть был. Жалко Еремея. Кто его нашел?

— Да наши и нашли. Из сугроба руки торчали.

— Михо! К нему заходил?

— Да нет, прямехонько сюды. Пропал же вчера он в охотке.

Никитич, крикнув, встал и накинул на плечи тулуп.

— Пойдем, поглядим. Вдруг и он воротился.

Захватив со стола люльку, он вышел на улицу, Левко — следом.

Природа молчала, медленно, словно пух, падали крупные хлопья снега, небо было неясным. Никитич постучал в дверь, подкуривая люльку. Никто не ответил, дверь оказалась заперта.

— Нет его. Пропал, значит.

— Что делать-то теперь? Можно вашего табачку?

Никитич протянул Левко кисет.

— Как бабка твоя-то?

Мать Левко умерла от чахотки какой-то. Вырастила его мать погибшего батьки. Про бабку ходили разные слухи, мол, силы черпает в колдовских зельях и доживет с ними до ста лет. Как бы там ни было, а хлопца подняла, хоть он казался Никитичу не от мира сего, малость блаженный. А как год назад схоронил невесту свою ненаглядную, так и совсем замкнулся в мыслях.

— Жива. Тянет свой век.

Никитич посмотрел на небо. «Какая благодать в природе и такая бесовщина творится. Михо, что за дьявол сграбастал тебя?»

— Ладно, Левко, ты иди. А я подумаю. Никому не трепись особо, хотя, поди ж ты, все и так узнают. Отсыпь табаку, если надо. Я пока дома буду, слабы ноги.

Так они и разошлись. Никитич вернулся домой, поел и стал размышлять, что же теперь делать. Но сколько он чего ни думал, кроме как вновь сходить в охотничий домик, так и не придумал. Тревожно сделалось ему, но что за казак даст пропасть другу да заботится? Решив, что ближе к обеду отправится в охотку, он выпил еще отвару и лег на кровать. Тихо тикали ходики, изредка доносился собачий лай, иногда казалось, что он слышит, как падает снег; так Никитич и уснул. И вновь сон вернул его к охотничьему домику. Только на этот раз из него раздавался сдавленный крик Михо, который просил о помощи и часто повторял одно и то же слово: «Мима, мима, мима».

Открыв глаза, по освещению в комнате Никитич понял, что обед уже проспал. Казак резко встал, отчего голова закружилась, но в то же время заметил, что слабость отступила. Быстро оделся, сунул кинжал за пазуху и вышел на улицу. Там по-прежнему было спокойно, так же тихо падал снег. Сделав глубокий вдох, Никитич сжал кулаки в рукавицах и твердым шагом направился к охотке. Никого не стал звать, вспоминая смерть Еремея, думал: ежели суждено сгинуť, то одному; а ежели посчастливится найти Михо, тогда послушает, что он скажет, и будут решать, что с бедой делать.

На подходе к лесу казак встал, посмотрел в небо, огляделся. Погода так же была спокойна, вокруг никого. Когда он добрался до места, было около пяти часов. Подобно вору, обошел он домик кругом, окно было распахнуто, внутри царил тишина.

Как только Никитич вошел внутрь, его взгляд сразу упал на надпись на стене. Казалось, кто-то пальцем, обмоченным в крови, вывел странное слово: «МИМА». Он медленно оглядел стены, пол, потолок — ни малейшего следа, ничего, кроме этой зловещей надписи.

Выйдя из домика, Никитич вновь обошел его кругом, пристально вглядываясь в каждый угол, вслушиваясь в тишину. Ветер затих, метелью больше и не пахло, но тревога не отпускала. Убедившись, что буря не надвигается, он отправился обратно в село.

На ходу мысли вихрем носились в его голове: откуда эти детки? Какая нечистая сила скрывается за всем? Куда исчез Михо? Что ему теперь делать? Сон, надпись, кровь — все казалось частью неразрешимой загадки.

«МИМА...» Слово это эхом отдавалось в сознании, будто само пыталось шепнуть разгадку, но вместо ответа лишь усиливало холодный, липкий страх.

На обратном пути казак решил зайти в шинок, чтоб хоть немного отвлечься от своих дум. Там он застал запряженный тройкой могучих коней добротный возок. Видать, чумаки проездом, после торговли отдыхают.

Посреди шинка возвышались два массивных дубовых стола, за которыми обычно все и рассаживались. За одним из них разместились трое парубков и седовласый пан, на вид лет этак сорока пяти. Компанию им составляли один из казаков, что был у охотничьего домика во время метели, и местный житель Макар, проживавший неподалеку от Никитича.

Все они негромко о чем-то переговаривались, причем самую оживленную часть беседы вели парубки и Макар. На столе стояла початая бутылка водки и несколько простых закусок. Завидев Никитича, сидящие сразу же пригласили его присоединиться.

— Айда к нам, балагурим с чумаками о бесовских проказах, что происходят у нас, — сказал Макар и подозвал рукой шинкаря. — Корчмарь, еще стакан Никитичу.

Никитич присел за стол, и разговор пошел дальше. Выяснилось, что чумаки привезли несколько пудов соли и водки. А теперь решили отдохнуть. Имен их он не запомнил; седовласый оказался отцом двоих из них и их старшим. Один из молодых разлил водку по стаканам и обратился к казаку, который был у охотничьего домика.

— Дядько, ну а как сквозь метель-то прорвались?

Тот бросил тяжелый взгляд на Никитича и ответил:

— Бежал быстро. Замерзнуть очень боялся. Только это и спасло. Вон Никитич долго плутал и самый первый всю эту историю наблюдал.

Все трое, как по команде, перевели взгляды на Никитича и уставились на него горящими глазами.

— Расскажи, дядько. Дюже интересная история у вас тут.

Казаку стало не по душе, да и не был он мастером лясы точить, не то что истории рассказывать. И седовласый смотрел на него уставшим взглядом. Видимо, человеком был таким, что всякого повидал на этом свете. И история его не шибко интересовала, но, вероятно, тоже ждал рассказа.

— Нечего тут рассказывать. Дело темное, да и не комиссар, чтоб предполагать. Вот что сам сатана посетил наши земли — это да. Ходил сейчас в охотку. Вы бывали там после метели или кто еще? — он обратился к казакам. Те в знак отрицания замахали головами, второй, перекрестившись, добавил:

— Да не дай Бог. Я в то место больше ни ногой. Еремей жалко. Не получил он добра от любопытства своего. А как он поседел за ночь? Тьфу-тьфу...

При этом он сплюнул через левое плечо. Остальные ждали, что же еще скажет Никитич.

— А я только оттуда. И сам видел надпись, намалеванную кровью.

После этих слов он взял свой стакан и выпил водку, закусил кусочком черного хлеба.

— Дядько, а что за надпись-то?! — вытаращив глаза, выпалил один из молодых.

— «Мима». Ума не приложу, что это такое.

После этих слов седовласый молча осушил стакан и поднялся из-за стола. Проходя мимо Никитича, он негромко попросил у него табаку. Тот без лишних слов достал кисет и протянул его. Тем временем остальные за столом принялись обсуждать только что услышанные слова, перешептываясь и делая предположения.

Седовласый, не привлекая внимания, жестом пригласил Никитича выйти на улицу. Оказавшись у возка, они молча раскурили трубки, и вокруг них вскоре за клубился густой ароматный дым.

— Славная погода. Да и место у вас тут хорошее — если б не чертовщина всякая. Табак добрый у тебя, — седовласый говорил мягким голосом, который не вязался с его строгим обликом. — Я вот что сказать хочу: после твоего рассказа вспомнил кое-что. В ста верстах от вас живет колдунья иль ведьма, черт бы ее побрал. Как по мне, так все бабы — ведьмы. Так вот, зовут эту колдунью Мима, возможно, она и поможет тебе. Если, конечно, тебе до этого есть дело.

— Мой дружище пропал, пане. Теперь мне еще какое дело! Без крови и шума нечистая забрала. Как ее найти? Путь неблизкий.

— Поезжай с нами. Мы через пятьдесят верст свернем с дороги, а ты далее отправишься. Оставим тебя на хуторе и поедем далее. Часов за пять доберемся, но дальше, мил человек, ты уж сам. Там ее все знают, найдешь. А мы за товаром отправимся. Да и честно сказать, не хотел бы я там побывать, в гостях у этой Мимы. Чего только не рассказывают про нее. Но и добрые дела творит. Лечит люд всякий, но, по большей части, говорят, разбойников, которым терять неча. Ну эт слухи. Так что?

Никитич слушал его, поглаживая усы, на вопрос ответил после недолгого раздумья:

— Добро. Спасибо за помощь. Схожу домой, возьму кое-что, и к вам. Дождетесь?

— А то как же. Будем ожидать здесь, только сильно не задерживай.

В путь

Никитич быстрым шагом двинулся до хаты, попутно вытряхивая пепел из люльки. В дорогу он собрал все самое необходимое. Перекусить в пути, кинжал, фляжку воды и табак,

немного монет. Завернув все в узел, заткнув нож за пояс, он пошел обратно к шинку. События развивались так быстро, что у него в голове не укладывалось. Он был как лодка, скользящая по течению реки. Но знал твердо, что уцепится за берег истины, как только подвернется такая возможность.

Когда он подходил к шинку, чумаки только выходили из него. Тот же парубок, что так интересовался рассказом, весело воскликнул:

— Шо, дядько, в путь?! Отец нас быстро домчит!

И вот они тронулись. Возок легко заскользил по снегу. Хлопец никак не отставал от Никитича. Сначала он допытывал его расспросами про охотничий домик, а потом сам решил рассказать историю.

— А знаешь, дядько, какой я случай знаю?! Дюже страшный, про мертвеца. В одном селе жила семья: старик, сын его с женой и двое детишек, два хлопца. Дед был дряхлым, и вот в один из дней он помирает. Хоронят его на кладбище, осень была; то дожди лили, то туманы стояли. В общем, похоронили. Выпили за упокой, все как полагается. Наступила ночь. Вся семья спит, муж с бабой у себя в комнате, дети за стеночкой. И проснулся один из хлопцев от того, что кто-то в стекло стучит, и стучит так тихо-тихо. Глянул он в окно, а там дед покойный стоит, и вокруг все туманом затянуто. Дед бледный, как простыня, только круги черные вокруг глаз, и рукой мальчика к себе подзывает. Тот встал с кровати, подошел к двери и приоткрыл ее, а у двери дед уже стоит, но не заходит, потому как в доме свечи горели и лампадка. И говорит он, значит, мальцу: «Пойдем, сувенир у меня для тебя есть, ножичек с узорами». Ну а что с ребенка взять, да еще и со сна? Взял и пошел с дедом. Отец проснулся от того, что дверь хлопнула. Встал и видит, что нет одного сына. Выбежал на улицу, но не видать ничего, кругом густой туман. Обежал хату, кинулся на улицу, но так и не встретил никого. Разбудил жену, та в слезы. В общем, ночь они не спали. А утром начали искать чадо, но только не было его нигде, и никто ничего не видел. Лишь пьяница один говорил, что, мол, столкнулся ночью с дедом, а с ним был малец. Да только наутро подумал, что привиделось это ему. И вот отец мальчика понял, что дед мертвый утащил его. И слышал он давным-давно: чтоб не вставал покойник из могилы, надо ему, мол, голову отрубить. И что ты думаешь, дядько, пошел он ближе к вечеру с лопатой и топором на кладбище. Раскопал свежую могилу и разрыдался, увидев рубашку своего сына. Потом схватился за топор и с жутким криком отрубил покойному отцу голову. После закопал могилу обратно и пошел домой. В эту ночь решил лечь в комнате с сыном, на месте пропавшего чада. И вот настала ночь, опять затянуло все туманом. Сын уснул, а отец боролся со сном, но все же задремал. И вот тень мелькнула у окна. И если б кто из них глянул на улицу в тот миг, то увидал бы, что там стоит дед, а на шее у него рана грязная. Одной рукой голову придерживает и шепчет: «Дремота-слепота-приди-их-усыпи». Затем подошел к окну, где мать детей спала. И тоже стал нашептывать: «Проснись-дьявольский-огонь-разожги-в-печи-жги-жги». Та, как была во сне, так и подошла к печи и стала в нее закидывать дрова, уголь, сапоги мужа даже закинула. А покойник уже на крыше у трубы сидит и хохочет вовсю. Держит голову двумя руками, смеется и в трубу дует. Разгорелась печь не на шутку — и впрямь сатанинское пламя. Тогда упырь возьми и заткни трубу своей головой. Прямо обеими руками с плеч снял и засунул туда. И наполнилась хата дымом, и угорели все, кто был внутри. Вся семья задохнулась. Утром соседи их нашли. Лежат, будто спят, а в хате дымом воняет, что зайти невозможно. Полезли на крышу и вытащили из трубы обгоревшую, закопченную головешку. Тогда сельчане и смекнули, и отправились несколько смельчаков на кладбище. Раскопали могилу деда и оторопели: лежит в могиле труп безглавый. Тогда они взяли и воткнули осиновый кол ему в сердце, как и положено. Больше неприятностей на селе не было. Вот если б отец знал сразу, не рубил голову, а пронзил колом сердце, то и живы бы были. Вот так было.

Конец истории Никитич слушал уже в полудреме и через некоторое время погрузился в тревожный сон...

Очнувшись, спросил, сколько еще ехать. Седовласый, лениво раскуривая трубку, ответил:

— Примерно через сорок минут будем на хуторе.

Пока Никитич спал, седовласого сменил сын, и теперь старший сидел в возке вместе с остальными. Никитич достал свой узел, развернул его и слегка перекусил. После трапезы он закурил, а седовласый, задумчиво выпуская клубы дыма, снова заговорил:

— Добираться тебе придется от хутора к следующей деревне, а от нее далее, к еще одной. До Мимы от этого хутора еще четыре деревни. Не тревожься, местные частенько мотаются меж них. Товары возят, скот гоняют, по прочим надобностям. Ночью шляться негоже, потому переночуешь у моего хорошего знакомого. Мы же по своим делам в соседнее село отправимся.

Примерно через час вдали забрезжили тусклые огоньки — хутор. Погода стояла ясная, щеки слегка щипал морозец. Возок углубился в хутор и остановился у простой хаты, ничем не отличавшейся от других. У двери стоял человек, стряхивая снег с обуви.

— А вот и сам хозяин, Алексей. Он не особо разговорчив, впрочем, как и ты. Но ночлег предоставит, поможет, если нужно.

Хозяин оказался грузным мужчиной с суровым лицом и низким, будто из бочки, голосом. Седовласый переговорил с ним, представил Никитича, после чего пошел обратно к повозке и был таков.

Алексей провел гостя внутрь, усадил за стол, поставил графин с медовой настойкой и простую еду.

— Выпей с дороги, продрог небось. Спать ляжешь на скамью, более места у меня нет. Утром разбужу и сразу отправимся в путь. Поедем с кузнецом в село, за двадцать верст отсюда. Ему сундук надо отвезти, заказ его. А мне по своим делам. Чумак сказал, тебе до Мимы надо. Расспрашивать не буду зачем, но смотри, с нечистой силой водится она. Ты это учти.

После ужина Никитич улегся на скамью, постелив тулуп, и мгновенно уснул. Ночь прошла спокойно — на сей раз без снов.

На заре его разбудил хозяин дома.

— Пора. Еда на столе. Перекуси, и отправимся, коней я запряг.

Никитич потянулся, сел за стол и наспех поел: стакан молока, хлеб с сыром и кусочек сала. Собравшись, они вышли на улицу. Мороз окончательно прогнал сон. Алексей, нюхая табак, раскрякался и несколько раз громко чихнул.

— Ну, с Богом!

Они запрыгнули в сани и помчались по хутору. Забрали кузнеца, на удивление Никитича, оказавшегося худым и высоким мужчиной лет тридцати пяти. Он подтащил к саням по снегу сундук; Алексей помог его загрузить.

— Тыфу ты, бестия, тяжелый получился. Захотели люди ковку на сундук. Уф, ну и вышла тяжесть такая.

После этого за все время пути никто не проронил и слова. Никитич, время от времени попыхивая люлькой, смотрел по сторонам. Через два часа с четвертью, когда они проехали лесок и оказались на пригорке, он увидел в низине большую деревню, в которой ему приходилось бывать.

Погоня

Народ в деревне уже проснулся: по улочкам неспешно бродили люди. Никитич размышлял, как преодолеть оставшиеся тридцать верст и найти кого-нибудь, кто проведет его к Миме или хотя бы укажет дорогу. Будто прочитав его мысли, Алексей проговорил своим басом:

— Оставим тебя у шинка. Там найдешь попутчиков, перекусишь, да и обогреешься. А мы справим свои дела и обратно.

— Спасибо вам, други! Век не забуду вашей помощи, — искренне ответил Никитич.

За этой беседой они въехали в деревню. Погода стояла ясная, но поземка мягко стелилась по земле. Никитич подумал: «Выюга собирается. Если до ее начала успею выехать, то до следующего поселения доберусь без проблем».

Сани остановились у шинка. Никитич выбрался наружу, стряхнул с себя солому и обратился к спутникам:

— Благодарствую! Хорошего вам пути, панове.

— Бывай! И тебе не хворать! — откликнулся Алексей.

Лошади тронулись, и через мгновение сани скрылись за поворотом. Никитич размял ноги, прошелся туда-сюда, проверил монеты и вошел в шинок.

Заведение было самым обыкновенным, и посетителей в нем было немного. Никитич подошел к шинкарю.

— Доброго здравия, мил человек! Есть что перекусить? И чарку горилки.

— А как же! Сейчас сделаем, — ответил шинкарь. — Жена принесет за стол.

Сняв тулуп, Никитич уселся за стол и начал набивать табаком люльку. В этот момент дверь распахнулась, и внутрь вошел парубок, отряхивая снег и оббивая сапоги. Он был высокий, с широкой улыбкой и одет в нарядное платье. За ним следом появился другой — пониже, но также веселый и в праздничной одежде. Второй парень громко объявил:

— Доброго всем здравия! Шинкарь, дай нам по стопке водки. Друг свататься собрался, едем в соседнее село к невесте.

Они уселись за один стол с Никитичем, шутя и разговаривая между собой.

— Парубки, а вы в какое село направляетесь? В десяти верстах отсюда, на запад? — поинтересовался Никитич.

— Да, пан. Сейчас обогреемся, и мимо леса к соседям.

— Не найдется ли места для меня? Мне срочно нужно туда, — попросил Никитич.

— Ну почему нет! Сани у нас есть. Поехали с нами. Мы первые выдвигаемся, а остальные чуть позже догонят.

На том и порешили. Никитич обрадовался, что так быстро нашел попутчиков. После трапезы они погрузились в сани и отправились в путь.

Между деревнями дорога шла вдоль леса. В одном месте густые деревья полностью сомкнулись с обеих сторон. Внезапно лошади, до этого бежавшие ровной рысью, резко рванули с места. Возница натянул поводья, а парубок с ружьем стал настороженно осматриваться. Никитич обернулся и замер. Из-за деревьев выскочили волки.

Их было много. Казак не мог сосчитать их, не мог поверить в их количество. Некоторые неслись за санями, остальные серыми теньями скользили по обе стороны от дороги. Никитич посмотрел на попутчика, тот замер со вскинутым ружьем и глядел на них пораженно.

— Стреляй! — проорал Никитич. Парубок, выйдя из оцепенения, пальнул в тех, что бежали за санями. Мимо. Никитич понимал: если волки обгонят лошадей или часть из них окажется впереди, живым из леса не выбраться.

— Стреляй еще!

Выстрел — опять мимо. Волки приближались. Возница хлестал лошадей, те мчались изо всех сил, брызгая пеной. Парубок трясущимися руками достал патроны из кармана и стал перезаряжать ружье. Волки летели над снежной гладью, оскалив клыки. Они были так близко, что Никитич слышал их рычание.

— Вот суки! — проорал парубок и стал целиться.

Выстрел. Никитич видел, как волк кубарем покатился по снегу. Ветер завывал в ушах, сердце бешено билось в груди, по лбу струился холодный пот. Никитич заметил волка, поравнявшегося с санями, и понял, что зверь готовится прыгнуть.

— Дай сюда! — Он выхватил ружье и, почти не целясь, выстрелил. Волк упал в сугроб, оставив кровавый след на снегу.

— Патроны есть? Заряжай! — скомандовал Никитич, вернув ружье парубку.

Стая не отставала, а ветер выл все громче. Вдруг возница закричал:

— Перемет впереди!

Все поняли: это их погибель. Либо лошади споткнутся, либо сани перевернутся, и тогда стая разорвет их.

— Поводья, поводья потяни, Никола! — орал парубок.

Сани легко скользили по снегу, но все понимали, что лошади могут увязнуть в снегу. Волки не сдавались, бежали вдоль деревьев, предчувствуя добычу, приближались к дороге. Возница хлестал лошадей, те неслись изо всех сил. Но когда до перемета оставалось всего несколько метров, он потянул вожжи на себя, и лошади оторвались от земли, насколько это было возможно, перескочили снежное препятствие, сани же сначала ударились в рыхлый снег, а потом подлетели кверху. В этот момент все затаили дыхание, время замерло и понеслось тут же опростетью, когда под санями вновь оказался укатанный снег.

Лес с одной стороны стал редеть. Парубок вскинул ружье и выстрелил. Бежавший за санями огромный серый волк покачнулся и остановился. Он завыл во всю глотку, после чего вновь бросился в погоню. В ответ с разных сторон стали завывать волки.

— Стреляй по тому же, вон тот, самый крупный!

Никитич тыкал пальцем в свору, указывая на лохматое чудовище неимоверного размера, за которым тянулись капли крови. И пока парубок стоя целился в вожака, возница орал лошадям и просил Всевышнего спасти их.

Никитич почувствовал глухой удар прямо у своих ног. Молодой волк неведомым образом запрыгнул в сани. Никитич ухнул и, будто присаживаясь, ударил волка в бочину обеими ногами и одновременно с этим рванул кинжал на поясе. Волк от удара упал, тогда Никитич бросился вперед и сделал резкий мах. Оголяя клыки, волк стал захлебываться своей кровью. Никитич схватил его за задние лапы и, оттянув к краю саней, спихнул вниз. Тут раздался выстрел, парубок упал на дно саней, где мгновение назад был волк. Ружье лежало рядом, ничего не понимающий парубок осматривал руку, которой угодил при падении в лужу волчьей крови. Никитич вскинулся и обернулся. Серый волк уже не бежал, а стоял, покачиваясь на месте.

— Молодец, Федор. Заряжай! Чего расселся?!

— Нет патронов больше! Отстрелялись!

— Ну чтоб тебя так... — с досадой хлопнул себя Никитич руками по коленям, — поднимайся.

Он подал парубку руку и помог сесть рядом. Они осмотрелись. Волки отставали, стая редела. Никитич махал головой, держа в руках окровавленный кинжал.

— Смотри, разбегаются! — заорал парубок и стал громко матом крыть оставшихся волков.

Через версту за ними не было уже ни одного волка, еще через версту и лес закончился, и они оказались в открытом поле. Лошади тяжело ступали по снегу.

— Надо лошадям дать передохнуть. Иначе не доедем.

— Тормози. Перекур.

Они слезли с саней, посмотрели по сторонам — никого. Никитич достал табак и стал набивать им люльку.

— Спаслись! Господи, храни! Никогда не видел столько волков. Такая огромная стая!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.